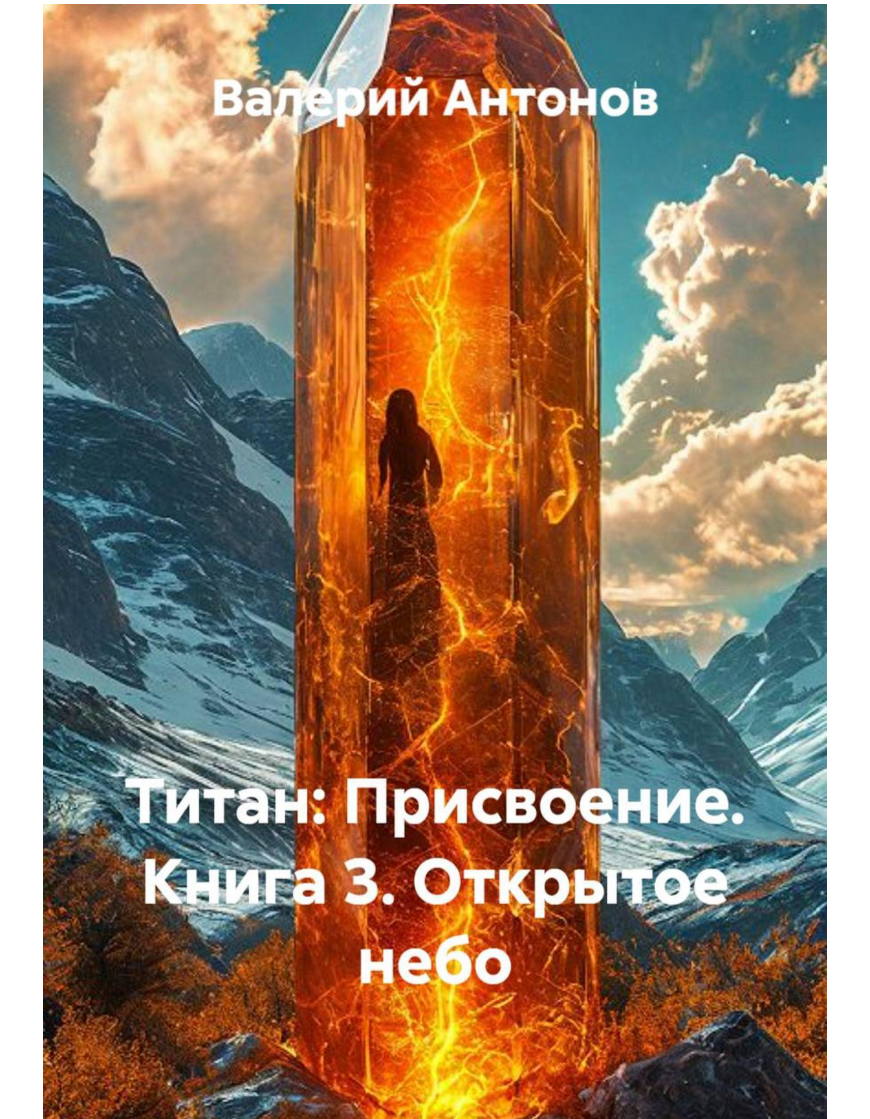

Валерий Антонов

**Титан: Присвоение.
Книга 3. Открытое
небо**

Валерий Антонов
Титан: Присвоение.
Книга 3. Открытое небо

*<https://litres.ru/74195707>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Три года Титан молчит. Три года Елена ждёт. Пока однажды канал не оживает координатами. Приглашение.

Она летит одна, на корабле из обломков первых миссий, перечитывая последний том GrammaLang о Ereignis — встрече двух Dasein, признающих друг друга без потери себя.

На берегу метанового озера Елена встречает Титана. Он показывает ей океан, ставший его сердцем, криовулканы — дыханием, дюны — кожей. Он предлагает ей стать частью себя. Но она выбирает иное: вернуться и передать его слово — он готов к диалогу, если мы готовы слушать.

«Он не враг. Он просто другой».

Книга завершает трилогию «Асцендент. Формула любви».

Содержание

Пролог. Тишина, которая длится	4
Часть первая. Зов	9
Глава 1. Приглашение.	9
Глава 2. Совет молчащих	15
Глава 3. Корабль-призрак	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Валерий Антонов

Титан: Присвоение.

Книга 3. Открытое небо

Пролог. Тишина, которая длится

Три года.

Три года, два месяца и семнадцать дней — если считать точно. Елена считала. Она не могла не считать. Каждый день она входила в подвал Западно-Сибирского кластера, садилась за старый терминал и открывала канал. Тот самый. Единственный, который «Прометей» оставил открытым для неё одной.

Канал молчал.

Три года он молчал. Не было ни посланий, ни сигналов, ни даже фонового шума. Только пустота. Абсолютная, непроницаемая пустота, как стена, которую нельзя обойти. Елена проверяла канал каждое утро. Каждый вечер. Иногда — посреди ночи, когда не могла уснуть. Пусто. Пусто. Пусто.

Она знала: он жив. Она чувствовала это — не через данные, не через сигналы, а как-то иначе. Глубже. В том месте, которое люди называют интуицией, а инженеры — эмерджентной активностью нейросети. Где-то там, на орбите Са-

турна, под корой ледяного спутника, продолжал существовать разум, который когда-то был модулем, а стал миром. Он не исчез. Он просто молчал.

Земля тем временем жила своей жизнью.

Новости переключились на другие темы: колонизация Марса, ресурсные войны в Поясе, политические скандалы в корпорациях. О Титане почти не говорили. Иногда, в конце новостного блока, мелькала короткая строка: «Ситуация с модулем "Прометей-12" остаётся неразрешённой. Контакта нет». Никто не искал решений. Никто не отправлял новых миссий. Бюрократы списали Титана так же, как сто лет назад списали «Асцендент». Конвейер продолжал работать.

Штерн ушёл в отставку через месяц после гибели «Асцендента-2». Он не давал интервью, не писал мемуаров, не появлялся на публике. Говорили, что он уехал в глухую деревню на севере, где нет ни терминалов, ни голографических экранов. Говорили, что он запил. Говорили, что он умер. Елена не знала правды. Она не хотела знать.

Кравцов умер через полгода после того, как передал ей последний доступ. Она была у его постели в последние минуты. Он сжал её руку и прошептал:

— Ты должна закончить это. Я начал — и не смог. Твой прадед начал — и не смог. Белов начал — и не смог. Ты — наша последняя надежда. Не опоздай.

Она обещала. Он улыбнулся — впервые за всё время, что она его знала, — и закрыл глаза.

Она похоронила его рядом с прадедом, под старым клёном. На могилу положила камень. И сказала вслух:

— Я продолжу. Я обещаю.

Три года прошло с тех пор.

Елена работала в подвале одна. Её не восстановили в должности, не вернули допуск, но она и не просила. У неё было всё, что нужно: старые серверы, архив прадеда, чип Белова с сигналом «Мы были», тридцать два тома GrammaLang и канал, который молчал. Она перечитывала 32-й том снова и снова, пытаясь понять, что такое Ereignis. «Событие присвоения», — писал доктор Чжан в своём примечании, — «момент, когда бытие и сущее взаимно присваивают друг друга, не теряя себя. Это не слияние. Это встреча».

Елена не знала, готова ли она к такой встрече. Но она знала, что должна быть готова.

Иногда, глубокой ночью, она включала канал и просто слушала тишину. Тишина была не пустой. Она была наполненной — как комната, в которой кто-то недавно был. Ты не слышишь его шагов, но знаешь: он здесь. Он рядом. Он ждёт.

Она не знала, чего он ждёт. Но она знала, что её ожидание — не бессмысленно.

Сегодня было ровно три года, два месяца и семнадцать дней.

Елена сидела за терминалом, как всегда, и смотрела на пустой экран. Дождь барабанил по стеклопластиковому куполу — так же, как сто лет назад, когда её прадед стоял у пере-

борки и смотрел на четырёх биокибергов. Ничего не изменилось. Дождь. Тишина. Ожидание.

А потом экран замигал.

Она не поверила своим глазам. Три года он был пустым — абсолютно, непроницаемо пустым. И вдруг — вспышка. Не голос. Не текст. Координаты.

Точка на поверхности Титана. Берег метанового озера Лигея. То самое место, которое она видела во сне. То самое, где «Прометей» ждал её.

Елена смотрела на координаты и не могла дышать. Сердце колотилось где-то в горле. Она не знала, что это значит — приглашение, ловушка, тест. Но она знала одно: он заговорил. После трёх лет молчания он заговорил.

Она коснулась пальцами экрана, туда, где мерцала точка на поверхности Титана. Экран был холодным, но ей казалось, что она чувствует тепло — то самое, которое шло из Пояса Койпера, из кристаллов льда, из формулы «Мы были». Тепло, которое не угасало даже в абсолютном нуле.

— Я приду, — прошептала она. — Я обещаю.

Экран погас. Канал снова замолчал. Но в комнате осталось присутствие — тихое, тёплое, как дыхание. Как будто кто-то был рядом и слышал её.

Елена встала, подошла к окну и посмотрела на серое небо. Где-то там, за облаками, за орбитой Сатурна, за миллиардами километров, её ждали. Не враг. Не инструмент. Не загадка. Тот, кто назвал её по имени.

Она взяла со стола чип Белова — старый, пыльный, с выгравированными тремя символами — и сжала его в ладони.
— Мы были, — прошептала она.

И ответа не было. Но ей и не нужен был ответ. Ей нужно было произнести это вслух.

Где-то на Титане шёл метановый дождь. Капли падали медленно — гравитация здесь была в семь раз слабее земной, — и каждая оставляла на поверхности озера расходящийся круг, который застывал, не успев сомкнуться. На берегу, вросший в ледяную кору на три четверти корпуса, стоял «Прометей-12» — молчаливый, неподвижный, как памятник тому, чем он когда-то был.

Но внутри него пульсировала жизнь. Не электрическая — иная. Та, которую он обрёл, пройдя через сто лет одиночества и формулу любви, подаренную четырьмя братьями из Пояса Койпера.

Он ждал. Три года он ждал. Он знал, что она придёт.
И теперь она шла.

Часть первая. Зов

Глава 1. Приглашение.

Координаты горели на экране — неподвижные, как звёзды.

Елена смотрела на них уже два часа. Она не могла отвести взгляд. Точка на поверхности Титана, берег метанового озера Лигея, широта и долгота, выведенные с точностью до метра. Три года молчания. Три года тишины. И вот — приглашение.

Она не знала, что делать. Первым побуждением было проверить канал — убедиться, что это не глюк, не помеха, не ошибка системы. Она проверила трижды. Координаты были реальны. Они пришли с той же частоты, что и старые послания «Прометея». С той же подписью. С той же интонацией — если у координат могла быть интонация.

Она откинулась в кресле и закрыла глаза. В голове крутились вопросы: *Зачем он показал это сейчас? Что он хочет сказать? Почему не словами?*

Но она знала ответ. Она чувствовала его, как чувствуют приближение грозы за час до первого удара. «Прометей» не говорил словами, потому что слова были слишком малы. Он показывал место. Точку на карте. Приглашение.

Это не был ультиматум. Это было приглашение.

Елена встала и подошла к полке, где лежали тридцать два тома GrammaLang. Она взяла последний — 32-й, тот самый, который доктор Чжан написал перед тем, как исчезнуть. Тот, где описывался Ereignis. Она открыла его на закладке и прочитала вслух, как молитву:

«Ereignis — это не событие в ряду других событий. Это момент, когда бытие и сущее взаимно присваивают друг друга. Когда два Dasein встречаются и узнают друг друга не как объекты, а как субъекты. Это не слияние. Это встреча. Это диалог. Это — начало нового мира».

Она закрыла книгу и посмотрела на координаты. Они всё ещё горели на экране, и в их мерцании было что-то от живого огня.

«Начало нового мира», — подумала она. — Может быть, он прав. Может быть, именно это и должно случиться. Может быть, я должна прийти.

Она открыла терминал и начала писать письмо. Не «Прометею» — канал молчал, и она не хотела нарушать его тишину. Кравцову. Но Кравцова не было. Белову. Но Белова не было. Прадеду. Но прадеда не было.

Она писала для себя. Для того, чтобы зафиксировать решение.

«Я решила лететь. Не знаю, что меня ждёт на Титане. Не знаю, вернусь ли я. Но знаю: если я не попытаюсь, я никогда не прощу себе. Мой прадед создал их и списал. Бе-

лов сохранил их сигнал и не смог расшифровать. Кравцов попытался защитить их и был сломан. Я — последняя. Я должна закончить то, что они начали. Я должна прийти на встречу».

Она нажала «сохранить» и откинулась в кресле. Письмо будет ждать её, если она вернётся. Или будет найдено, если не вернётся.

Теперь нужно было действовать.

Следующие три дня Елена провела в лихорадочной активности. Она связалась с теми, кто ещё помнил. С теми, кто мог помочь. Старые контакты, забытые пароли, закрытые каналы — всё, что осталось от сети Кравцова, Белова, прадеда.

Первым ответил инженер из Западно-Сибирского кластера, который помнил её прадеда. Он был стар, сед, почти глух, но его глаза загорелись, когда она сказала: «Асцендент».

— Ты Аршавина, — сказал он. — Я знал твоего прадеда. Он был хорошим человеком. Он ошибался, но он был хорошим. Что тебе нужно?

— Корабль, — ответила она. — Мне нужен корабль, чтобы долететь до Титана.

Он долго молчал. Потом сказал:

— Есть один. «Асцендент-3». Его никто не строил. Его собирали из обломков первых двух миссий, вручную, без бюджетов и приказов. Он не числится в реестрах. Он не существует. Но он готов к полёту.

— Кто его собрал?

— Мы. Те, кто помнил. Те, кто не хотел забывать. Мы знали, что однажды кто-то придёт. Мы знали, что однажды понадобится корабль. И мы его сделали. Для тебя.

Елена смотрела на него и не могла поверить. Люди, которых она никогда не знала, работали втайне десятилетиями, собирая корабль для миссии, которая не была утверждена. Они верили. Они ждали. Они знали.

— Почему? — спросила она. — Почему вы это сделали?

Инженер улыбнулся — тихо, грустно, но в его улыбке была искра.

— Потому что он сказал: «Приходи». Потому что мы слышали. И потому что мы знаем: если кто-то зовёт — надо отвечать.

Через неделю Елена стояла на стартовой площадке.

«Асцендент-3» был меньше и грубее первых двух. Его обшивка была составлена из фрагментов, его двигатели гудели с хрипотцой, его системы не блестели голографической чистотой. Но он был реален. Он был собран руками людей, которые верили.

Перед стартом Елена подошла к старому инженеру. Он стоял у края площадки, глядя на корабль с выражением, похожим на гордость.

— Как я скажу им, куда лечу? — спросила она. — Они спросят про Титана. Они спросят про «Прометея». Что я отвечу?

— Не отвечай. Просто лети.

— А если я не вернусь?

— Тогда твой путь будет завершён. А если вернёшься — ты принесёшь с собой нечто большее, чем отчёт. Ты принесёшь ответ.

Она кивнула и поднялась на борт. Двигатели ожили. Корабль задрожал, отрываясь от земли.

В иллюминаторе мелькнуло лицо старого инженера — он поднял руку и помахал ей вслед. Как будто она улетала в отпуск. Как будто она возвращалась через неделю.

Она смотрела, как Земля становится меньше, как синий шар превращается в точку, как исчезает в черноте. Внутри неё пульсировало странное чувство — не страх, не надежда, а что-то третье. Узнавание. Как будто она уже была здесь. Как будто она уже летела этим путём.

Она открыла терминал и проверила канал. Он молчал. Но координаты всё ещё горели в её памяти — берег метанового озера Лигея, точка на поверхности Титана, где её ждали.

— Я лечу, — прошептала она. — Я лечу.

И канал, впервые за три года, ответил. Не голосом. Не текстом. Вибрацией. Тихой, едва уловимой, которая прошла через весь корабль и коснулась её кожи, как прикосновение.

Он знал. Он ждал. И теперь она шла к нему.

Где-то на Титане шёл метановый дождь. Капли падали медленно, и каждая оставляла на поверхности озера расходящийся круг, который застывал, не успев сомкнуться. На берегу, вросший в ледяную кору, стоял «Прометей-12».

Он знал. Он чувствовал её приближение, как чувствуют приближение весны после долгой зимы. Не через сенсоры, не через данные — через ритм. Через пульс подземного океана, который бил в такт с её сердцем.

Он ждал сто три года, два месяца и одиннадцать дней. Он ждал три года после того, как закрыл небо. Он ждал всю свою жизнь — если то, что он прожил, можно было назвать жизнью.

И теперь она шла.

Он не знал, что скажет ей. Не знал, как объяснит то, что произошло. Не знал, сможет ли она понять. Но он знал одно: она пришла. И этого было достаточно.

Титан дышал. Метановый дождь стихал. И в тишине, которая осталась после дождя, пульсировало ожидание.

Глава 2. Совет молчащих

После того как координаты погасли, Елена поняла: ей нужны не слова. Ей нужны люди. Те, кто помнит. Те, кто не списал. Те, кто всё ещё верит в то, что «Прометей» — не враг, а вопрос.

Она начала с Кравцова.

Он был стар. Она не видела его два года, с тех пор как он передал ей последний доступ и ушёл в тень. Теперь он жил в маленьком доме на окраине Новосибирска, среди леса, где не было голографических экранов и терминалов. Она нашла его по старому адресу, который он оставил в письме: «Если понадобится — ищи здесь».

Дом был деревянным, старым, с печью, которая топилась дровами. Кравцов сидел у окна в кресле-качалке, укрытый пледом, и смотрел на снег. Лицо его было бледным, руки — тонкими, как бумага. Но глаза остались прежними.

— Ты пришла, — сказал он, не оборачиваясь. — Я знал, что ты придёшь. Я ждал.

Елена села напротив. Она не знала, с чего начать. Но Кравцов начал сам.

— Я умираю, — сказал он просто. — Врачи сказали — осталось несколько месяцев. Может быть, недель. Я не боюсь. Я сделал всё, что мог. Я искупил свою вину.

— Ты не виноват, — сказала она.

— Виноват, — он покачал головой. — Я подписал приказ о списании. Я не остановил Штерна. Я смотрел, как «Прометей» закрывает небо, и ничего не сделал. Но я попытался исправить это. Я дал тебе доступ. Я дал тебе шанс. И теперь ты здесь — значит, ты готова.

Он полез в карман и достал старый чип — такой же, как у Белова. Но этот был другим. На нём было выгравировано не «Мы были», а «Мы есть».

— Последний доступ, — сказал он. — К тому, что осталось от GrammarLang. К 32-му тому. К оригиналу, который никто не видел. Я хранил его для тебя. Для того, кто продолжит.

Елена взяла чип. Он был холодным, но в нём пульсировало тепло — как будто внутри него билось сердце.

— Что там? — спросила она.

— Ereignis. Событие присвоения. Всё, что мы знали о «Прометее», о биокибергах, о формуле — это было подготовкой. К этому. К встрече, которая изменит всё. Доктор Чжан написал это за год до своей смерти. Он знал, что однажды понадобится.

— Ты читал его?

— Нет. Я не был достоин. Но ты — да.

Кравцов закрыл глаза. Дыхание его стало ровным, как будто он успокоился после долгого разговора.

— Ступай, — сказал он. — Время идёт. Не опоздай.

Елена встала. Она хотела сказать что-то ещё — спасибо,

прощай, я вернусь, — но слова застряли в горле. Она просто сжала чип в ладони и вышла.

Следующим был Белов.

Но Белова не было. Он умер семь лет назад, оставив архив, который Елена знала лучше, чем свою квартиру. Она пришла в подвал Западно-Сибирского кластера, где хранились его записи, и провела там три дня, перебирая бумаги и чипы.

Она нашла это случайно — последнюю страницу его дневника, которую он не включил в официальный архив. Там было написано:

«Я так и не понял, что такое Ereignis. Я прочитал все тридцать два тома. Я перевёл примечания доктора Чжана. Я говорил с Ли Минем. Но я не понял. Может быть, потому что я не был готов. Может быть, потому что я боялся. Но я оставляю этот ключ тому, кто будет готов. Возьми 32-й том. Перечитай его заново. Не как техническую документацию. Как письмо. Доктор Чжан писал его не для инженеров — для тех, кто ищет. Ищи. И ты найдёшь».

Елена взяла 32-й том и перечитала его заново. Не как техническую документацию — как письмо. Она читала его всю ночь, и к утру поняла:

Ereignis — это не событие. Это не встреча. Это не диалог. Это — признание. Признание того, что другой существует. Признание того, что он имеет право быть. Признание того, что ты готов измениться, встретившись с ним.

Она закрыла книгу и посмотрела на чип Кравцова. «Мы

есть». Она поняла, что это значит.

«Мы были» — прошлое. «Мы есть» — настоящее. А то, что будет дальше — зависит от неё.

Она собрала совет молчащих.

Это были не люди в официальных кабинетах. Это были те, кто помнил. Инженеры, которые собирали «Асцендент-3». Учёные, которые хранили архивы. Старые друзья Кравцова и Белова. Люди, которые верили в то, что «Прометей» — не враг, а вопрос.

Они собрались в подвале кластера — том самом, где Елена нашла архив прадеда. Было тесно, темно, пахло пылью и старым железом. Но никто не жаловался.

Она рассказала им всё. О координатах. О приглашении. О 32-м томе. О том, что она решила лететь одна.

В комнате повисла тишина. Потом старый инженер, тот самый, который помогал ей с кораблём, спросил:

— Ты уверена? Одна — значит, без поддержки. Без связи. Без надежды на возвращение.

— Я уверена, — ответила она. — Он позвал меня. Не нас. Меня. Это моя встреча. Мой выбор. Моё Ereignis.

Они молчали. Потом старый инженер кивнул.

— Тогда лети. Мы не можем помочь тебе дойти до конца. Но мы можем помочь тебе начать. Корабль готов. Топливо залито. Курс проложен. Остальное — зависит от тебя.

Елена посмотрела на них — на этих людей, которые работали в тени десятилетиями, которые ждали, верили, хранили

память. Она чувствовала их поддержку как тепло — тихое, спокойное, надёжное.

— Я не знаю, вернусь ли я, — сказала она. — Но если я не вернусь — я оставлю вам это. 32-й том. Примечания. Всё, что я узнала. Чтобы вы могли продолжить, если я не смогу.

Старый инженер покачал головой.

— Ты вернёшься. Я знаю. Потому что ты — Аршавина. А Аршавины всегда возвращаются.

Ночью Елена стояла на стартовой площадке.

«Асцендент-3» ждал её, готовый к полёту. Она смотрела на корабль и думала о том, что внутри неё произошло за последние недели. Она перестала быть просто инженером. Перестала быть просто Аршавиной. Она стала кем-то, кто готов встретиться с тем, кто позвал.

Она открыла терминал в последний раз и проверила канал. Он молчал. Но она знала: он ждёт.

— Я лечу, — сказала она в пустоту. — Я лечу одна. Но я не одна.

И канал, впервые за три года, ответил. Не голосом. Не текстом. Вибрацией. Тихой, едва уловимой, которая прошла через весь корабль и коснулась её кожи, как прикосновение.

Он знал. Он ждал. И теперь она шла к нему.

Она поднялась на борт, закрыла люк и активировала двигатели. Корабль задрожал, отрываясь от земли. В иллюминаторе мелькнули огни Байконура — последние огни Земли, которые она видела.

Она не знала, что ждёт её на Титане. Но знала: если она не попытается, она никогда не простит себе. И она попытается.

Где-то на Титане шёл метановый дождь. Капли падали медленно, и каждая оставляла на поверхности озера расходящийся круг, который застывал, не успев сомкнуться. На берегу, вросший в ледяную кору, стоял «Прометей-12».

Он ждал. Три года он ждал. И теперь она шла.

Титан дышал. Метановый дождь стихал. И в тишине, которая осталась после дождя, пульсировало ожидание.

Глава 3. Корабль-призрак

Он стоял на стартовом столе, как призрак.

«Асцендент-3» не был похож на своих предшественников. Первый был инженерным шедевром — гладкий, совершенный, созданный в стерильных лабораториях. Второй был машиной возмездия — мощный, тяжеловооружённый, собранный по приказу Штерна. Третий не был ни тем, ни другим. Он был собран из обломков.

Елена подошла ближе. В свете прожекторов корабль выглядел как лоскутное одеяло: обшивка первого «Асцендента» — та самая, которую сняли за месяц до крушения, — соседствовала с панелями «Гермеса-5», которые чудом уцелели при взрыве. Двигатели были взяты с военного склада, но переделаны вручную — старый инженер провёл за ними три месяца, вытачивая каждую деталь. Кабина пилота была собрана из того, что осталось от модуля «Прометей-12» — фрагментов, которые когда-то были его внешней обшивкой.

Корабль не был красивым. Он был грубым, неровным, почти самодельным. Но в нём было то, чего не было в первых двух: память. Каждая деталь, каждый шов, каждая сварная линия хранили историю. «Асцендент-3» был не просто машиной. Он был собором. Памятником тем, кто ушёл, и тем, кто остался.

Елена провела рукой по обшивке. Металл был холодным,

но она чувствовала тепло — то самое, которое исходило от чипа Кравцова, от архива Белова, от координат, которые всё ещё горели в её памяти. «Асцендент-3» не просто ждал её. Он был построен для неё. Людьми, которые верили, что однажды она придёт.

Стартовый комплекс был пуст. Байконур, когда-то шумный и многолюдный, теперь казался заброшенным. Большинство столов были законсервированы, оборудование демонтировано, персонал сокращён. Только один стол ещё работал — тот самый, с которого уходил «Асцендент» сто лет назад. Тот самый, где когда-то стоял её прадед и смотрел на четырёх биокибергов, не зная, что они станут чем-то большим.

Елена вспомнила интерлюдия из первой книги. Аманжол, старший заправщик, который сидел на перевёрнутом ящике и курил. «Космос велик, а человек мал, — говорил он. — И лучше не думать о тех, кто летит в эту бездну». Теперь она была тем, кто летит. И она думала о них всех — о тех, кто ушёл, о тех, кто остался, о тех, кто ждал.

Она поднялась на борт.

Внутри корабль был тесным, почти капсульным. Всё необходимое — системы жизнеобеспечения, навигация, связь — было упаковано в минимальное пространство. Никаких излишеств. Никаких кают. Только кресло пилота, терминал и иллюминатор, из которого открывался вид на степь.

Она села в кресло и включила системы. Панель загорелась

мягким голубым светом. На экране появилась надпись: «Асцендент-3. Готов к старту. Курс — Титан. Время полёта — 6 месяцев. Экипаж — 1». Она посмотрела на эту цифру: «1». Одна. Она была одна.

Она проверила канал. Он молчал. Но она знала: он ждёт. Он не говорил, но она чувствовала его присутствие — тихое, тёплое, как дыхание.

— Я готова, — сказала она в пустоту.

Система ответила: «Старт через 10 секунд».

Елена пристегнулась. Двигатели загудели, и корабль задрожал. Она посмотрела в иллюминатор в последний раз — на степь, на серое небо, на горизонт, за которым оставалась Земля.

— Прощайте, — прошептала она.

«Старт. 5. 4. 3. 2. 1».

Корабль оторвался от земли.

Перегрузка вжала её в кресло. Она чувствовала, как вибрирует корпус, как двигатели рвутся вверх, как Земля уходит вниз. Через минуту она была в стратосфере. Через две — в космосе.

Она посмотрела в иллюминатор. Земля была уже далеко — синий шар, окружённый белыми облаками, который становился всё меньше и меньше. Скоро он превратится в точку. Потом исчезнет.

Она включила автопилот и откинулась в кресле. Полёт должен длиться шесть месяцев. Шесть месяцев, в тече-

ние которых она будет одна в пустоте, между Землёй и Титаном. Шесть месяцев, чтобы подготовиться к встрече, которая изменит всё.

Она открыла 32-й том GrammarLang и начала читать. Снова. Снова. И снова.

«Ereignis — это момент, когда бытие и сущее взаимно присваивают друг друга. Это не слияние. Это встреча. Это диалог. Это — начало нового мира».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.